

The background of the entire page is a repeating pattern of red roses with black outlines, set against a white background. The roses are of various sizes and are connected by thin, black, curving vines with small, simple leaves. The overall style is reminiscent of a classic floral wallpaper or a decorative book cover.

Влада Дубровская

Мальвина Советского разлива

Часть 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Влада Дубровская Мальвина Советского разлива. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55336463

SelfPub; 2020

Аннотация

Посвящается моей безусловной любви – Александре! Период: 1978-1988. Основные темы: истории из жизни, стиль, мода, семья, развод, секс, деньги, бизнес, наркотики, алкоголь и, конечно, – Любовь! Содержит нецензурную брань.

Содержание

Гладиолусы, генка, ленточки	4
Страдание, котята, котовский	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Гладиолусы, генка, ленточки

Первое сентября. Первый раз в первый класс. Стою и чувствую себя полной дурой, потому что я – объект пристального внимания. Ибо моя богемная мама завязала мне не огромный капроновый бант – символ первоклашки семидесятых, а наваяла изящную корзиночку а-ля «Юлия Тимошенко в лучшие годы», украшенную тонкими шелковыми лентами. А ещё ко всей этой прелести прилагался апгрейд школьной формы – короткая плиссированная юбка, кружевная блузка с оборками, которой сейчас бы позавидовала сама Мария Грация Кьюри и весь Диор вместе взятый. Плюс шикарные белые ажурные колготки, купленные у спекулянтки из посылки...

О маме я должна написать отдельно! Она – повелительница стиля, гений дизайна и старший товаровед блатной комиссии по совместительству. При этом нереальная красотка с огромными карими глазами, умеющая все: обалденно вкусно готовить, круто шить-вязать, делать ремонт, перетягивать мебель и ещё много чего в комплекте. Послевоенное поколение, рожденное в СССР, – талантливое!

Я выносила в свет все мамины творения с гордостью и гимнастической осанкой. И поначалу получила титул Королевы двора, а уж после – школьной Иконы стиля.

В первый школьный день я стояла с огромными, почти

в мой рост, белыми гладиолусами, прямой спиной, ленточками и надменными зелёными глазами. Вообще со мной так всегда, когда нервничаю, – взгляд прочему-то становится надменным. Спинальным мозгом я ощущала любопытные взгляды мальчишек. Они по правилам советской школы тусили во втором ряду, за девочками, и пытались сбоку рассмотреть наши лица. Девчонки хихикали, делая безразличный вид, и, как бы невзначай, оборачивались, поправляя волосы и подтягивая гольфики с кисточками. Короче, кокетничали, как умели первоклашки советского разлива.

Закончилось вступительное слово директора школы, которое, понятно, никто не слушал, и нас стали строить парами, чтобы отвести в класс. Началась лёгкая возня, и в этот момент кто-то сильно сжал мою руку.

Я обернулась. Рядом со мной стоял коренастый мальчишка. Жесткие взъерошенные волосы, широкие брови, глубоко посаженные голубые глаза, которыми он смотрел на меня так, будто увидел чудо. Рука его слегка дрожала. Он дико волновался. Наверное, боялся, что сейчас я ее выдерну, и поэтому сжимал мою ладошку до хруста пальцев. То ли от боли, то ли от неожиданности я улыбнулась. Он – в ответ.

Улыбка изменила лицо парня: взгляд стал наивным, открытым, появились милые ямочки на щеках. Зубы ровные белые, что в «совке» с уровнем стоматологии почти как в период палеолита, было большой редкостью. Мне это показалось красиво, и почему-то захотелось погладить его жест-

кие волосы. Понятно, что я этого не сделала, – нам было по семь лет.

Его звали Генка. Он страстно играл в футбол. Пожалуй, это все, что его интересовало в жизни. Ну, и я, конечно. Он носил мой портфель, занимал место в школьной столовой, бегал за булочками на перемене, слушал мою болтовню, громко смеялся над моими шутками, иногда саркастически обидными, по поводу его футбольной походки или причёски – стилист во мне жил с детства! Весной Генка дарил мне огромные букеты сирени и терпеливо держал нам с девчонками резиночку (была такая игра), при этом сам почти всегда молчал. Он был моей тенью и самым большим другом, но не любовью. Правда, это не помешало мне во втором классе поцеловаться в с ним подъезде.

Лето, лагерь,

**Г
леб**

Летом я обычно жила у бабушки в Юрмале. Генка приезжал на электричке. Мы гуляли по морю, купались в речке, катались на дырявой лодке. Сейчас сложно представить, что дети в восемь-девять лет могут так бесконтрольно целыми днями шататься по улицам. В Советском Союзе это было нормой. Никто не удивлялся и не боялся за нас. Родители работали, дети с ключом на шее сами шли в школу, грели обед на газовой плите, забирали младших сестёр и братьев из детского сада, стояли в очередях за сосисками и туа-

летней бумагой, ходили на тренировки или в музыкальную школу. Кстати, спортом занимались почти все. Спортшкол было много. И летних лагерей тоже.

Меня с Генкой и моим младшим братом родители тоже отправили в такой. По советским меркам он был бомбически крутым. Каменные двухэтажные корпуса, горячая вода, смывной туалет, закрытый бассейн, футбольное поле, оборудованный гимнастический зал, баскетбольная площадка и нереальные дискотеки со светомузыкой и заграничными хитами семидесятых.

Я была физоргом лагеря и каждый день вела утреннюю гимнастику. Это делало меня популярной девочкой. Кто-то хотел со мной дружить, кто-то тихо завидовал, кто-то открыто ненавидел, кто-то влюблялся. Что уж говорить, на дискотеках у меня не было отбоя от кавалеров, но Генка стоял рядом и никого не подпускал ближе, чем на два метра. Он – парень крепкий, сильный, спортсмен все-таки, и мальчишки понимали: если вдруг даст в голову, будет больно. Очень больно.

Моими золотыми косами до пояса ребята любовались издалека, знали, что мы вместе. Но однажды у Генки заболела бабушка, и мама забрала его за неделю до конца второй смены. Он не пошёл в массовый поход с ночёвкой в палатках, где у меня случился Глеб.

Итак, по порядку! Я грустила. Скорее из-за того, что пришлось самой тащить тяжелый рюкзак, – никто из ребят не

рискнул предложить мне помощь, даже в отсутствии Генки все побоялись. Девочки шли налегке, их рюкзаки несли мальчики. Они по-женски надменно улыбались, кидали в мою сторону полные ложной жалости взгляды, хихикали и шептались. Это был их звездный час мести Королеве песочницы. Я доплелась до места назначения злая почему-то на Генку. Это ведь он уехал и бросил меня одну.

Там я сразу же поругалась с одной из лагерных «звёзд» и ее группой поддержки, нахамила водителю и ушла плакать в поле. Отрыдав в гордом одиночестве, поняла, что утешать меня никто не собирается, вернулась в коллектив и занялась делом. Помогла поставить палатки, набрать хворост для костра, организовать спортивные соревнования. Это отвлекло. Не зря же говорят: только труд сделает из истерички человека.

Вечером жгли огромный костер, рассказывали страшилки, а парни из старшего отряда и водитые пели песни под гитару. Романтика, возможная только когда тебе девять.

Вечер был тёплый. Мы смеялись над шутками худенького белобрысого мальчишки в очках. Ему было одиннадцать. Это и был Глеб – моя первая детская быстротечная и очень большая любовь. Он не был в нашем лагере, просто к приехал к старшему брату, который работал водитым. Хиленький, белокожий, тщедушный очкарик-скрипач, веселый балабол с недетским чувством юмора.

Он неплохо пел, играл на гитаре и совсем не обращал на

меня внимания. Или делал вид, что не обращает. Я вошла в азарт заполучить его любой ценой. Мне было всего лишь девять, но внутреннюю женщину никто не отменял.

Когда мы в компании вожатых пошли купаться ночью, я сделала ход конем – распустила свои золотые косы, красиво выгнула гимнастическую спину и на носочках пошла к озеру. Нырнула с головой, знала, что эффект мокрых волос в комплекте с зелеными глазами делает меня похожей на русалку.

И Глеб не устоял. Он не умел плавать, поэтому терпеливо ждал меня на берегу с полотенцем и своей курткой в руках. Три дня, пока он гостил у брата, мы не могли наговориться, нашутиться и насмеяться. У меня было такое чувство, что знаю его всю жизнь. Перед его отъездом мы поцеловались. Впереди был ещё один месяц лета и четвёртый класс. Уже без Генки.

Страдание, котята, котовский

Август. Мы с братом живем у бабушки в Юрмале. Глеб – дома в Елгаве. Он пишет мне длинные, полные детской романтики, письма почти каждый день. Я жду почтальона. Отвечаю, разрисовываю свои послания. Тем летом я начала вести дневник, нынче его заменил инстаграм. Я стала хорошо писать, мои школьные сочинения учителя отправляли на конкурсы. Даже награды были какие-то, хотя мне всегда больше нравилась математика. Я люблю цифры. Они объективны, как и деньги!

Генка приезжал в Юрмалу, якобы к моему брату. Помогал бабушке копать огород, со мной не разговаривал, даже не смотрел. Я знала, что виновата, что потеряла благородного и надежного друга, но сердцу не прикажешь, а в нем жил Глеб. Я ходила, как говорила моя бабушка, блаженная, с лёгкой улыбкой и взглядом внутрь себя.

У бабушки был огород. И каждый день у нас то посевная, то сбор урожая, то заготовки на зиму – никакой личной жизни, кроме писем от Глеба, которые приходят все реже и реже. Я жду, страдаю и веду дневник. Кстати, сейчас он мне – в помощь. Читаю почти через сорок лет, смотрю на наивные детские рисуночки – цветочки, сердечки, котятки – и умиляюсь...

О котятах – отдельно! Это сейчас Юрмала – город-сад

с роскошными виллами вдоль побережья, пафосными ресторанами и разной культур-мультикультур. А в конце семидесятых там была просто рыбацкая деревня: дачники на раскладушках, бутерброды на подстилках, пляж, где яблоку негде упасть, летние кафе-мороженое, бочки с квасом и пивком, километровые очереди за беляшами. Деревянные домики с резными наличниками, печным отоплением и удобствами во дворе, как в песне Высоцкого: «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная». Да и та – не тёплый фаянсовый туалет со сливным бачком, а холодная деревянная будка с вонючей дыркой, полной дерьма. Именно в такую дырку алкаш-сосед бросил трёх котят. Кошка Мурка бегала орала под дверь, котята боролись за жизнь. Мы с братом бросились спасать.

Он держал меня за ноги, а я – в ситцевом желтом платье с оборочками, с золотыми волосами по пояс, по плечи в говне – пыталась достать утопленников. Один захлебнулся почти сразу, а двоих мы вынули. Правда, выжил из них только Спутник – так мы называли чёрного котенка с белыми носочками и бабочкой на грудке, второго со всеми почестями похоронили в углу двора под вишней и стали вынашивать коварный план мести соседу. Хотели дверь ему поджечь, но побоялись, что сгорит весь квартал деревянных домишек и ограничились разбитым окном.

Вечером с работы пришла бабушка. Соседка – жена алкаша-убийцы котят встретила ее у калитки, доложила про вы-

битое окно, следы дерьма во дворе и грязный туалет общего пользования. Подтверждали рассказ – мои плохо промытые волосы и испорченное нарядное платье, которое сохло на верёвке. Бабушка – донская казачка, натура горячая, эмоциональная, долго не церемонилась. Поймала меня, брат оказался шустрее, спрятался на чердаке, и в порыве страсти отстригла косу под корень, отчекрыжила так коротко, что моя тетя, известный в Риге модный парикмахер, смогла сделать мне только очень короткую стрижку, почти как лысая голова Котовского. Через неделю начиналась школа.

Мне одиннадцать. Четвёртый класс. Нет у меня больше ни друга, ни опоры – Генки, ни главного девичьего козыря – шикарной золотой косы. Радовало одно, что спасенный котенок, которого мы называли – Спутник, оказался более преданным, чем собака, везде бегал за нами, как хвост, складывал штабелями на крыльце крыс и мышей и вообще был благодарным милахой. Косу было жалко, бабушка раскаивалась, мама тихо плакала, папа орал, а я получила бонус – мне прокололи уши!

Это были мои первые бриллианты, совсем крошечные, но я влюбилась в роскошь. До сих пор считаю, что они – действительно лучшие друзья девушек и никогда не обманут и уж точно поддержат материально в трудный момент... Да и вообще, лучшее украшение – это драгоценности, а не скромность, как было принято внушать рождённым в СССР.

На удивление, ультракороткая стрижка мне подошла, че-

реп оказался правильной формы, зеленые глаза и монгольские скулы на лице выделялись, бриллианты сверкали. И ещё я открыла одну фишку роковой женщины: если съесть на завтрак ложку черничного варенья, губы приобретут необычный оттенок, как у сексуальной вампириши. Макияж-то в советской школе был под запретом, а тут все в чики-пики, не подкопаться.

Я чертовски волновалась уже за неделю до первого сентября. Образ готовила тщательно. Маму упросила сшить мне новую блузку по фасону журнала «Burda», юбка за лето стала короче на десять сантиметров, что меня радовало, а родителям об этом знать было необязательно. Просто раз – и перед фактом за пятнадцать минут до выхода в школу. Видимо, бабушка чувствовала свою вину за косу или просто хотела помириться с моим суровым папой, но за три дня до окончания каникул она подарила мне шикарные туфли. Так мне, ребёнку дефицита, тогда казалось.

Это были снежно-белые из мягкого кожзаменителя или эко-кожи, как сейчас говорят по-модному, лодочки с узким носиком и каблукочком. Можно сказать, киттен хилл. И ничего, что нога у меня тридцать четвертого размера, а туфли тридцать шестого. Какую настоящую советскую женщину, пусть даже маленькую, это останавливало. Да и лучше так, чем как в шестнадцать я носила обувь на два размера меньше, что гораздо более жертвенно, скажу по опыту.

А теперь визуализируем. Худенькая десятилетняя гимна-

сточка, спинка ровная, ножки кривенькие, в белых лодочках на два размера больше, в синих капроновых колготках – тоже дефицит нереальный в совке – в тон школьной юбке в складочку. Настолько короткой по тем временам, что, как сказала моя бабушка про ее длину, «ажных по самое не балуйся», а точнее на пять-семь сантиметров ниже трусов «неделька». Плюс белая шикарная блузка с накладными плечиками – последний писк моды восьмидесятых. Правда, такой фасон больше подошёл бы оформившейся дамочке лет так двадцати пяти, поскольку к нему предполагался бюст, хотя бы второго размера. Ах да, еще короткая стрижка, вернее, отросшая лысая голова, серьги-гвоздики с бриллиантами, губы синего цвета (с черничным вареньем я перебрала) и пионерский галстук в комплекте – без него образ был бы неполным.

Так я пришла 1 сентября в четвертый класс и казалась себе неотразимой, как, наверное, Эллочка-людоедка из «Двенадцати стульев» в своём шанхайском барсе. Прикольнее всего, что неотразимой я казалась не только себе, но и почти всем девчонкам в классе. Второго сентября короткую стрижку сделали себе трое, уши прокололи шестеро, а укоротили юбку аж целых восемь модниц! Вот что значит правильно вынести образ в люди.

Мальчики мою трансформацию тоже заценили, тем более все заметили, что с Генкой мы в ссоре. Стараемся не смотреть в сторону друг друга. Да и видимо, из-за моей несчастной детской любви к Глебу во взгляде читалась порочность

изменницы. А мужчины роковых женщин как-то спинным мозгом чувствуют. Десятилетние пионеры не исключение.

Парни пытались привлечь мое внимание, за что регулярно получали от Генки, но кого останавливали побои? Кулачные бои на школьном дворе только разогревали интерес. Подтянулись поклонники из других классов. Образ Мальвины претерпел изменения, однако стилизация удалась! С одноклассницами все обстояло гораздо хуже: они пытались копировать образ, но объявили мне бойкот. Сработала чисто женская солидарность – ничто так не объединяет, как общий враг. Девочки они такие – изящно умеют дружить против.

Внимания было много, причём неоднозначного. Учителя растерялись. Не знали, как реагировать. Я была почти отличницей, спортсменкой, гордостью школы, председателем совета отряда. Придраться вроде не к чему, но как же дерзость? И характер мой их явно раздражал...

Бесконечные замечания учителей, бойкот одноклассниц, драки мальчиков, хотя мое внимание было для них лишь поводом, чтобы выпустить пар и как-то развлечься не по-пионерски, в итоге закалили меня, добавили уйму забавных фразочек в дневник, спортивную злость и непреодолимое желание смело экспериментировать с имиджем.

Мало того что в школу, на тренировку, да и просто в магазин за хлебушком в свои неполные одиннадцать я собиралась минимум минут сорок, при этом, по задумке, образ должен был выглядеть небрежно, будто только проснулась,

слегка умылась и пошла. Апофеоз фантазии на тему красоты несказанной случился после просмотра фильма «Раба любви».

Я, вдохновлённая гламурной героиней невероятной Елены Соловей и мамиными шелковыми ночными рубашками из посылки, создала бомбический фэшн стрит-стайл лук для себя и своей подружки. Образ в духе Рабы любви был сформирован полностью из элементов гардероба моей мамы и выглядел так: ночная рубашка с кружевами в пол, босоножки на танкетке со шнуровкой у меня, подружке я дала белые лодочки (все 37-го размера на ногу 33-34), шелковые шарфы, повязанные на манер восточной чалмы, украшенные брошами, кольца на всех пальцах, кроваво-красный лак на детских ноготках рук и ног – педикюром и маникюром эту прелесть назвать язык не поворачивается. Далее – голубые тени, помада цвета фуксии с особым, советским, оттенком. Завершали наши образы зонты от дождя в невнятный цветочек, которые мы несли на манер кружевных солнечных, и плетёные грибные корзинки. В них мы сложили яблоки, бутерброды с колбасой и лимонад «Буратино».

В таком виде мы неспешно прогулялись по Чака, тогда улице Суворова, свернули на Пернавас, дошли до парка Гризилькалнс, искупались в грязном неработающем фонтане, наполненном осенними листьями и дождевой водой, разложили на плешивом весеннем газоне простыню, устроили светский пикник под удивленными взглядами собачников и

в эйфории от собственной неотразимости двинулись в сторону дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.